
ИЗЪ ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПЕРЕПИСКА ПУШКИНА СЪ ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Въ 1-й книгѣ *Вѣстника Европы* за нынѣшній годъ напечатано восемь писемъ Пушкина, которыя, по мнѣнію сообщившаго ихъ В. П. Гаевского, всѣ адресованы были къ Дельвигу. По этому поводу считаю нужнымъ заявить, что одно изъ нихъ, именно VII-е, писано не къ Дельвигу, а къ Плетневу. Представлю тому нѣсколько неопровержимыхъ доказательствъ.

Въ примѣчаніи къ этому письму, напечатанному въ первый разъ между письмами къ Дельвигу въ *Полярной Звѣздѣ* на 1861 годъ, г. Гаевскій говоритъ: «Письмо на полулистѣ, безъ подписи и адреса». Слѣдовательно, назначеніе его можно было опредѣлить только по догадкѣ. Письмо кончается словами: «Сдери долгъ съ Д.» Кто же этотъ Д?—Это именно и есть Дельвигъ, который въ перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ не разъ означается буквою Д. Происхожденіе упоминаемаго тутъ долга объясняется слѣдующими строками изъ письма Плетнева къ Пушкину отъ 21 января 1826 года: «Я продалъ въ разныя руки книгопродавцамъ твоихъ стихотвореній до 600 экз., съ уступкою 20 процентовъ, потому что на наличныя деньги. У меня теперь твоей суммы, за всѣми издержками по изданію и по разнымъ къ тебѣ письмамъ, съ остальными деньгами отъ Ояфгина, хранится болѣе 4000 рублей. Изъ этой суммы Дельвигъ выпросилъ на нѣкоторое время 2000.» Вѣроятно, Плетневъ, получивъ письмо Пушкина съ напоминаніемъ взыскать взятые деньги, передалъ Дель-

вигу самое письмо, которое и осталось у него вмѣстѣ съ адресованными къ нему. Объ этомъ долѣ Пушкинъ въ февралѣ 1826 года писалъ и самому Дельвигу: «Ты взялъ 2000 у меня и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде великаго поста они находились опять у Плетнева». (В. Е., стр. 11).

Теперь, чтобы показать связь остального содержанія спорнаго письма Пушкина съ тѣмъ, что передъ тѣмъ писалъ ему Плетневъ, приведу нѣсколько отрывковъ изъ письма послѣдняго отъ 27 февраля 1826 года и рядомъ съ ними тѣ фразы изъ письма Пушкина, которыя, очевидно, составляютъ отвѣтъ.

Письмо Плетнева:

„Стихотвореній Александра Пушкина у меня уже нѣтъ ни единого экз., съ чѣмъ его и поздравляю. Важнѣе того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше отъ меня ничего получить. Это быстрое растеченіе твоихъ сочиненій впередъ заставитъ ихъ прежде отпечатанія скупать ихъ гуртомъ на наличныя деньги...

„Въ твоей волѣ, что теперь начать: второе ли изданіе Разныхъ Стихотвореній (но въ этомъ случаѣ, надобно что нибудь прибавить; потому что въ другой разъ нѣкоторыхъ пѣснь ужъ не пропустятъ), Бориса ли, Онѣгина ли, или Цыгановъ. Только сдѣлай милость, не медли. Остается не болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ которые еще можно что нибудъ сдѣлать.

„Жуковскій особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ, и еще (когда позволншь) на лекціи его. Другая его къ тебѣ коммиссія состоитъ въ томъ, чтобы ты написалъ къ нему письмо серьезное, въ которомъ бы сказалъ, что, оставляя при себѣ образъ мыслей твоихъ, на кои никто не имѣетъ никакого права, не думаешь играть словами никогда, которыя бы противорѣчили какому-нибудь всеми принятому порядку. Послѣ этого письма онъ вскорѣ надѣется съ тобою свидѣться въ его квартирѣ“.

Письмо Пушкина:

„Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія.—Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо отъ Запкна съ увѣдомленіемъ о продажѣ *Стих. А. П.* и съ предложеніями.

„Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пѣснь уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ, время не уйдетъ, все перемелется — будетъ мука—тогда напечатаетъ второе, добавленное, исправленное изд. (однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стиховъ. или это одни твои предположенія?) Знаешь ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемъ за Цыгановъ.“

„Какого вамъ Бориса и на какія лекціи?

„При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ ¹⁾. Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Ж., а не отъ другаго — впрочемъ держусь стонческой пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ“.

¹⁾ Самое письмо Пушкина къ Жуковскому, о которомъ здѣсь говорится, напечатано въ „Р. Архивѣ“ 1870, стр. 1179, между письмами его къ разнымъ лицамъ.

Разсматриваемое письмо Пушкина, по самому содержанию своему, не можетъ быть отвѣтомъ Дельвигу, который никогда не былъ комиссіонеромъ его по изданію и продажѣ его сочиненій. Пушкинъ не могъ говорить Дельвигу: «*погодимъ съ новымъ изданіемъ... напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изданіе*»... «ужь если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ». Напротивъ, все это какъ нельзя болѣе шло къ Плетневу. Въ моихъ рукахъ находится цѣлый рядъ писемъ его къ Пушкину, которыя всѣ имѣютъ одинъ общій характеръ: это письма друга, который, не жалѣя ни трудовъ, ни времени, съ полнымъ самоотверженіемъ беретъ на себя всѣ матеріальныя заботы и хлопоты по печатанію и распространенію сочиненій великаго поэта, вполнѣ имъ понимаемаго и цѣнимаго. Сношенія съ Плетневымъ, начиная съ конца 1824 года, имѣли для Пушкина не одно нравственное и литературное, но столько же и практическое значеніе, чѣмъ и отличались они отъ сношеній его съ другими литераторами. Плетневъ былъ такъ сказать воспріемникомъ большей части его поэтическихъ дѣтищъ, велъ за него дѣла и счеты съ типографіями и книгопродавцами и пересылалъ Пушкину, или, по желанію его, хранилъ у себя вырученныя деньги. Такъ, напечатавъ первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина по рукописи, доставленной его братомъ, и отправивъ къ нему нѣсколько экземпляровъ ихъ, Плетневъ въ январѣ 1826 г. спрашиваетъ его: «Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомъ) пять экземпляровъ твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется, кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?» Къ кому же, какъ не къ Плетневу, могъ относиться разговоръ о 2-мъ изданіи Стихотвореній?

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ онъ увѣдомляетъ поэта о ссудѣ 2000 р. Дельвигу, онъ спрашиваетъ: «Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой-нибудь натуры, или приступить къ какому-нибудь новому изданію?» Въ письмѣ, адресованномъ по прежней догадкѣ къ Дельвигу, Пушкинъ отвѣчаетъ: «Деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны».

Такимъ образомъ, становится несомнѣннымъ, что письмо это писано къ Плетневу. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется точнѣе и время, когда оно написано. Это было въ мартѣ 1826, а никакъ не въ половинѣ этого года, какъ думаетъ г. Гаевскій. Послѣднее предположеніе опровергается тѣмъ, что уже 14 апрѣля 1826 Плетневъ пишетъ: «Отдано твое письмо Жуковскому». Вообще этотъ от-

вѣтъ Плетнева служить подкрѣпленіемъ моихъ доказательствъ, ибо на мысль Пушкина приняты за печатаніе. «Цыгановъ», въ письмѣ 14 апрѣля Плетневъ говоритъ: «Посылаю тебѣ рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣе пришли: такъ и тиснемъ»,

Здѣсь будетъ у мѣста поговорить вообще о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ, которая вся, насколько она сохранилась, будетъ приложена къ печатаемому мною изданію сочиненій Плетнева. Изъ приведенныхъ отрывковъ уже видно, какъ много свѣдѣній она заключаетъ въ себѣ для исторіи внѣшней стороны творчества Пушкина. Кромѣ того, Плетневъ побуждалъ его къ дѣятельности, напоминалъ ему, что въ данную минуту было всего нужнѣе для его славы и матеріальной пользы, предлагалъ ему планы выгодныхъ сдѣлокъ, наконецъ, былъ посредникомъ въ важномъ дѣлѣ снятія съ него опалы. Вотъ нѣсколько примѣровъ всему этому. Въ августѣ 1825 года Плетневъ пишетъ: «Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняты за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію»... «Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, какъ и твоей славы. Желаетъ ли ты получить денегъ тысячь до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ, съ начала сентября до конца декабря. Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство». Прося заѣмъ о присылкѣ 2-й и 3-й пѣсень Онѣгина, исправленнаго списка мелкихъ стихотвореній и 5-й поэмъ, Плетневъ продолжаетъ: «Если это все ты въ состояніи сдѣлать, то (я отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копѣйки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ въ 1-му января 1826 года (какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ въ этому одному сроку) не менѣе 50,000 рублей. Въ этомъ

«Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то»¹⁾.

Сбираясь печатать мелкія стихотворенія Пушкина, Плетневъ 26 сентября 1825 г. посылаетъ ему списокъ ихъ въ порядкѣ, опредѣленномъ Жуковскимъ, проситъ пересмотрѣть его и говорить: «Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, чтобы ты выставилъ годы противъ каждой ужъ пьесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя»... «Мы много ставили годовъ *на обумъ*: все поправъ что нужно. Тебѣ ужъ на-

¹⁾ Изъ оды „Богъ“, Державина.

добно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человекъ премелочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности... Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный своею должностію». Вотъ еще отрывокъ изъ письма отъ 21 января 1826 года: «Умоляю тебя, напечатай одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя нѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жаръ. Ужъ я и то боюсь: стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы. Теперъ ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол. звѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!»

Въ этомъ же письмѣ Плетневъ въ первый разъ касается вопроса о разрѣшеніи Пушкину пріѣхать въ Петербургъ, чтобы посоветоваться съ докторами. Именно, онъ такъ кончаетъ: «Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь; не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ разсужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковскаго. Они очень могутъ тебѣ быть полезными при твоёмъ *аневризмѣ*. Съ такой болѣзнію шутить не надобно». Какъ Пушкинъ самъ смотрѣлъ тогда на предстоявшее ему освобожденіе, котораго нетерпѣливо ожидалъ, видно изъ одного мало извѣстнаго, хотя уже и напечатаннаго письма его къ Плетневу; но для уясненія этого письма, приведу напередъ отрывокъ изъ тѣхъ, на которыя оно служило отвѣтомъ:

«Мнѣ Карамзины поручили», писалъ Плетневъ 21-го января 1826 г., «очень благодарить тебя за подарокъ имъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты велишь. Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же просить. Сдѣлай милость, напиши имъ всё по письмецу».

Затѣмъ, получивъ отъ Пушкина неисправный списокъ чего-то, вѣроятно Цыгановъ, и посылая ему тысячу рублей, Плетневъ 6-го февраля 1826 г., между прочимъ, пишетъ: «Ты отказываешься прислать Годунова затѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дня на три къ себѣ какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возьмется переписывать тебѣ».

«Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужъ великій постъ. Это послѣднее время. Послѣ святой недѣли книжная торговля прекращается. Опять принужденъ будешь ждать зимы. Ужели ты въ нынѣш-

нюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ *Стих. Ал. Пуш.* Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Ужели не допрошусь я?... Карамзинъ боленъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ... Гнѣдичъ также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца *Иліады*».

Отвѣтное письмо Пушкина носить помѣтѣу 3-го марта, безъ означенія года, но на наружной сторонѣ его на штемפלѣ опочкинской почтовой конторы означено 4-е марта 1826. Письмо это, вѣроятно, не дошло до Плетнева, такъ какъ его нѣтъ между береженными имъ письмами нашего поэта: оно было доставлено владѣльцемъ подлинника, г. Мавроди, въ альманахъ *Русская Правда*, изданный на 1860 годъ въ Кіевѣ (стр. 65). Вотъ оно: «Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже многого—ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія *Иліады*—или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть. Тебѣ. Ты знаешь что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ. Что это въ самомъ дѣлѣ? стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ и часы и полумедаль ¹⁾, а Пушкину полному—шишъ. Такъ и быть: отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ ²⁾), по крайней мѣрѣ пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ и квить.—Получили ли мои пріатели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Чтожъ не отвѣчаютъ?—А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай, да нанимай писцовъ опочкинскихъ да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите».

Кромѣ этого письма и того, которое до сихъ поръ считали писаннымъ къ Дельвигу, до насъ дошли еще два, не находящіяся между автографами, сохранившимися у Плетнева. Одно изъ нихъ обращено къ нему совмѣстно съ Львомъ Сергѣевичемъ и относится ко времени, когда поэтъ переписывался съ

¹⁾ 30-го января 1826 г. Россійская академія присудила медаль средней величины въ 50 червонныхъ Слѣпушкину, крѣпостному крестьянину, за книжку стихотвореній, изданную подъ заглавіемъ *Досуи сельскаго жителя*. Сверхъ того, императоръ Николай, по ходатайству Шишкова, наградилъ поэта-самоучку наряднымъ кафтаномъ. Отъ кого получалъ онъ часы, мнѣ неизвѣстно (см. *Труды Росс. акад.* I, 70).

²⁾ Извѣстно, что члены Россійской академіи, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ, получали за каждое засѣданіе по жетону (тамъ же, стр. 40).

этими двумя лицами объ изданіи собранія своихъ стихотвореній. Оно помѣчено 15-мъ марта (1825 г.), начинается словами: «Братъ Левъ и братъ Плетневъ!» и было напечатано въ *Библиогр. Запискахъ* 1861 года, № 5, стр. 105. Другое письмо, отъ начала августа того же года, напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1861. По рѣдкости этого изданія, помѣщая здѣсь это письмо цѣликомъ:

„Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Р. послѣдняя строфа)

Пѣвцу etc.

Несу надгробные цвѣты etc.

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ,—шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? ¹⁾ Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелестъ, которая небесно поетъ его *Венеціанскую ночь* на голосъ гондолерскаго речитатива; я обѣщала о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задумчивость; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è avuto in presenza della donna, come ognuno può veder. Addio, caro poeta. Scrivete mi, vi prego.

Tuto il vostro“.

При первомъ напечатаніи этого письма, было пояснено: «На полуизорванной второй страницѣ видно, что адресъ былъ П. А. Плетневу. Печать почтамта: августа 5-го, 1825 годъ, Опочка». Содержаніе письма подтверждаетъ, что адресъ прочитанъ былъ вѣрно: только съ Плетневымъ, въ эту пору, Пушкинъ переписывался о поправкахъ, которыя находилъ нужными въ стихотвореніяхъ, назначенныхъ къ изданію. Что письмо это не дошло по назначенію, доказывается отсутствіемъ предложенной тутъ поправки во всѣхъ изданіяхъ пьесы *Андре Шенье*. О ней ничего не упомянуто и въ послѣднемъ, прошлогоднемъ изданіи сочиненій Пушкина. Въ итальянской припискѣ явная ошибка, происшедшая отъ дурно прочитаннаго въ автографѣ слова и искажающая смыслъ цѣлой фразы: вмѣсто avuto должно быть scritto, и тогда приписка эта будетъ значить: «Эго писано въ присутствіи помянутой дамы, какъ всякій можетъ видѣть. Прости, милый поэтъ. Пиши мнѣ пожалуйста. Весь твой».

¹⁾ Свадьба его была 30 октября 1825 года. („Современникъ“, т. XLVII, Гаевского *Дельвигъ*, ст. IV, стр. 6).

Наконецъ, еще письмо Пушкина къ Плетневу, относящееся къ эпохѣ переговоровъ о его возвращеніи изъ ссылки, найдено въ бумагахъ Жуковскаго и напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года (стр. 1182).

Другихъ писемъ Пушкина къ Плетневу мы не имѣемъ въ виду до апрѣля 1830 года, съ котораго начинается рядъ писемъ перваго въ бумагахъ, оставшихся послѣ Петра Александровича: именно, тутъ ихъ двадцать: первое писано изъ Москвы, когда Пушкинъ былъ помолвленъ и получилъ разрѣшеніе печатать *Бориса Годунова*, а послѣднее относится къ осени 1835 г., какъ можно заключать по его содержанію. Вверху 1-й страницы рукой Плетнева надписано: *Михайловское*, а изъ біографіи поэта (Анн. I, 392) извѣстно, что онъ съ 26-го августа означеннаго года, дѣйствительно, взялъ отпускъ въ свою псковскую деревню. Изъ этого письма видно, что тогда мысль объ изданіи журнала у Пушкина еще окончательно не созрѣла: онъ затѣвалъ альманахъ, въ которомъ думалъ помѣстить свое «Путешествіе въ Арзрумъ» и повѣсть Гоголя «Коляска», два произведенія, вскорѣ послѣ того и появившіяся въ 1-мъ томѣ *Современника*. Вотъ это письмо со всѣми небрежностями своей орѳографіи:

„Очень обрадовался я получивъ отъ тебя письмо, (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно: ты получилъ Путешествіе отъ ценсуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Ужели заключетъ меня о..... Никитенко, и заботаешь быкъ дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней Альманахъ далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе: даромъ Коляски не брать; а установить ей цѣну; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для Альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ¹⁾; я люблю имена не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера²⁾ заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да плоть, какъ на квартирѣ Алекс. Я въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ Вамъ; тѣмъ болѣе что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу, черезъ пѣнь колоду валю. Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе, а я со всѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ Альманахъ съ Путешествія. Присылай мнѣ корректуру, а

¹⁾ Аріонъ — знаменитый греческій поэтъ и виртуозъ, жившій въ VII-мъ в. до Р. Х.—Оріонъ—прекрасный собою исполинъ и охотникъ, любимецъ Эосъ, умерщвленный стрѣлой Артемиды.

²⁾ Валеріанъ Лангеръ—воспитанникъ 2-го выпуска царскосельскаго лицея, хорошій рисовальщикъ.

я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь что Сенковский промышляетъ именемъ Вѣлкина; но нельзя (разумѣется изъ за угла и тихонько, на примѣръ въ М. Набл.) объявить что настоящій Вѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою долю грѣховъ своего Омонима? Это бы, право было не худо“.

Въ этомъ письмѣ, относительно Плетнева, особенно замѣчательно выраженіе: «Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось», выраженіе, показывающее, какъ Пушкинъ сознавалъ все, чѣмъ былъ обязанъ Плетневу. Извѣстное посвященіе, появившееся передъ 4-ю главою Евгенія Онѣгина (въ 1828 году), было внушено столько же благодарностію, сколько и уваженіемъ къ душевнымъ свойствамъ Плетнева.

Кажется, постоянная и оживленная переписка между ними началась только въ концѣ 1824 года, когда Пушкинъ, напечатать поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыганы» въ Москвѣ при посредствѣ князя Вяземскаго, рѣшился издать 1-ю пѣснь «Онѣгина» въ Петербургѣ, и 29 ноября 1824 писалъ къ своему великосвѣтскому пріятелю: «Братъ увезъ Онѣгина въ Пб. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ (*т.-е. Вяземскомъ*) теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія». Вскорѣ послѣ того, въ концѣ января или началѣ февраля слѣдующаго года, Пушкинъ пишетъ къ Вяземскому: «Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ». Сохранившаяся переписка Плетнева съ Пушкинымъ открывается извѣстіемъ, что «первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2400 экземпляровъ». Письмо, откуда взяты эти слова, помѣчено: «22 генваря 1825», и тутъ же впоследствии рукою Плетнева приписано: «Первое изъ всѣхъ возвращенныхъ мнѣ». Значитъ, это собраніе писемъ Плетнева было возвращено ему послѣ смерти поэта при разборѣ его бумагъ. По смыслу приведенной надписи ясно, что были и болѣе раннія письма Плетнева къ Пушкину, но они не сохранились.

Писалъ ли Пушкинъ къ Плетневу изъ Кишинева и Одессы, остается подъ сомнѣніемъ. Что кромѣ приведенныхъ выше писемъ къ Плетневу изъ Михайловскаго послѣ того, какъ Пушкинъ переселился туда изъ Одессы, посылались къ тому же лицу и другія, это доказываетъ, между прочимъ, переписка поэта съ Львомъ Сергѣевичемъ, въ которой онъ то упоминаетъ объ отправленныхъ уже къ Плетневу письмахъ, то выражаетъ намѣреніе писать ему, но куда дѣвались эти письма, неизвѣстно; сохра-

нившееся собраніе писемъ къ нему Пушкина, какъ уже было замѣчено, начинается только съ 1830 года.

Въ письмахъ Плетнева часто идетъ рѣчь о Дельвигѣ, и мы почерпаемъ изъ нихъ, между прочимъ, болѣе точное свѣдѣніе о времени, когда Дельвигъ въ 1825 году посѣтилъ Михайловское. Въ примѣчаніи къ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ, напечатанной въ *Р. Архивъ* 1874 г., посѣщеніе это отнесено къ лѣту. Въ извѣстныхъ статьяхъ о Дельвигѣ (*Соврем.* 1854, № 9) г. Гаевскій ближе подходитъ къ истинѣ, относя эту поѣзду къ веснѣ. Изъ писемъ къ Льву Сергѣевичу видно, что еще въ ноябрѣ 1824 года Дельвигъ собирался ѣхать. «Торопи Дельвига», говорится въ письмѣ, сданномъ на почту 8 декабря. Послѣ того, въ началѣ 1825, Пушкинъ ждетъ Дельвига вмѣстѣ съ Баратынскимъ и потомъ безпрестанно спрашиваетъ брата о Дельвигѣ. 14 марта онъ пишетъ: «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига». Въ великую пятницу и потомъ 17 апрѣля: «Дельвига нѣтъ еще!» Наконецъ, во второй половинѣ апрѣля сказано: «Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду» (*Библ. Зап.* 1858, стр. 102 и 110)¹⁾. Изъ писемъ Плетнева мы узнаемъ, что Дельвигъ сперва, въ февралѣ, былъ задержанъ въ Петербургѣ пріѣздомъ къ нему отца, но что въ началѣ марта его уже тамъ не было и что онъ намѣревался, побывавъ прежде всего въ Михайловскомъ, съѣздить въ Бѣлоруссію, а на обратномъ пути опять остановиться въ деревнѣ своего товарища. 3-го марта Плетневъ писалъ: «Думаю, что вѣщунъ Д. возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, чтобъ мое письмо его тамъ осталось. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего. Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ Д... Скажи Д., что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія—и съ новымъ вдохновеніемъ». Изъ всего этого можно заключить, что Дельвигъ былъ въ Михайловскомъ никакъ не позже 20-хъ чиселъ апрѣля мѣсяца.

При письмахъ къ Дельвигу, напечатанныхъ недавно въ *Вѣстникъ Европы*, есть два примѣчанія, требующія оговорки. Въ III письмѣ упомянуто два раза имя П. А., и въ примѣчаніи

¹⁾ Это письмо—безъ помѣты, но въ письмѣ къ князю Вяземскому, гдѣ сказано: „Дельвигъ у меня“ и гдѣ также число не означено, помѣщена *злая на смерть Анны Львовны* (*Р. Арх.* 1874, стр. 152), отнесенная въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (1880 г.) къ времени около 22 апрѣля.

оба раза подъ этими буквами разумѣется сосѣдка Пушкина по имѣнію, Прасковья Александровна Осипова. Но то, что приписывается этому имени при первомъ означеніи его, скорѣе наводитъ мысль на *Петра Александровича* Плетнева. Хотя правда, что во всѣхъ другихъ случаяхъ Пушкинъ называетъ его по фамиліи, но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ 23 іюля 1825 г. сказано: «Мнѣ писать П. А., что *обо мнѣ намѣрены передоложить*. Напрасно; письмо моей матери ясно ¹⁾; отвѣтъ окончателенъ. *Въ Псковѣ конечно есть лекаря*—чего же мнѣ болѣе». Очевидно, что эти слова служатъ прямымъ отвѣтомъ на слѣдующія, которыми начинается письмо Плетнева къ поэту отъ 18 іюля 1825: «Дѣло объ отпускѣ твоемъ еще не совсѣмъ рѣшилось. Очень вѣроятно, что при докладѣ сдѣлана ошибка. Позволено тебѣ не только съѣздить, но, если хочешь, и жить въ Псковѣ. Изъ этого видно, что просьбу объ отпускѣ для излѣченія болѣзни не поняли и представили, какъ предлогъ для нѣкотораго разсѣянія, въ которомъ ты вѣроятно имѣешь нужду. А то извѣстно, что въ *Псковѣ операции сдѣлать некому*. И такъ на этихъ дняхъ будутъ передокладывать, что ты не для разсѣянія хочешь выѣхать изъ Михайловскаго, но для операциі дѣйствительной». Едва ли о томъ же самомъ могла писать Пушкину г-жа Осипова; особливо, если она уѣхала не въ Петербургъ, а, наприм., въ Тверь, куда ѣздила въ другой разъ (*В. Е.*, стр. 13). Судя по небрежности, съ какой вообще Пушкинъ велъ свою переписку, онъ весьма легко могъ однѣми и тѣми же буквами обозначить въ томъ же письмѣ два разные лица.

Другое, требующее оговорки, замѣчаніе при письмахъ къ Дельвигу въ *Вѣстникъ Европы* относится къ отзыву Пушкина о Державинѣ. Въ недавно изданной мною біографіи послѣдняго я помѣстилъ цѣликомъ этотъ отзывъ. Прибавлю здѣсь еще нѣсколько словъ о немъ. Вѣроятно, вслѣдствіе бесѣдъ съ Дельвигомъ, во время его пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ рѣшился перечитать сочиненія Державина отъ доски и доски, и результатомъ этого не совсѣмъ легкаго подвига явился помянутый отзывъ: въ немъ великій поэтъ-художникъ, достигшій высшаго совершенства въ отдѣлѣ русскаго стиха, произноситъ строгій приговоръ старинному покрову стиховъ своего предшественника,

¹⁾ О какомъ письмѣ тутъ рѣчь идетъ, ясно изъ дальнѣйшихъ строкъ того же письма: „Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери“. Подъ своимъ письмомъ Пушкинъ, конечно, разумѣетъ то, о которомъ упомянуто выше, на стр. 6, въ подстрочномъ примѣчаніи.

перваго начинателя въ этомъ дѣлѣ, но отдаетъ справедливость внутренней сторонѣ его поэзіи, — *мыслямъ, картинамъ и движеніямъ истинно-поэтическимъ*, какъ *чудному подлиннику* дурного вольнаго перевода. Что, несмотря на свою внѣшнюю форму, эта сторона поэзіи Державина не вполне теряетъ свое значеніе, доказывается тѣмъ обаяніемъ, которое она въ болѣе раннюю пору производила на Пушкина, какъ и на Дельвига, а позднѣе на Гоголя. Впрочемъ, и самъ Пушкинъ, несмотря на строгость разсматриваемаго отзыва, не переставалъ цѣнить Державина, какъ видно изъ того, что онъ, защищая своего *Графа Нулина* (1829) отъ придирокъ ограниченной критики, прикрылся примѣромъ Державина и при этомъ случаѣ назвалъ его «великимъ». Но какъ бы ни смотрѣть на приговоръ лирику, произнесенный въ письмѣ Пушкина къ Дельвигу, нельзя вполне согласиться съ замѣчаніемъ г. Гаевского, что «такой же самостоятельный и вполне справедливый, хотя менѣе рѣзкій взглядъ на произведенія Державина впервые высказанъ въ печати лѣтъ черезъ двадцать Бѣлинскимъ, который не могъ знать мнѣнія Пушкина — замѣчательное совпаденіе сужденій двухъ геніальныхъ умовъ». Правда, что Бѣлинскій первый сталъ ярко выставлять недостатки поэзіи Державина съ художественной точки зрѣнія, но увидѣвъ, что его не поняли, онъ, при первомъ случаѣ, поспѣшилъ возвратиться къ тому же предмету, и почти вся обширная статья его, написанная по поводу изданія сочиненій Державина въ 1843 году, носитъ преобладающій характеръ защиты его противъ увлеченій отрицательной критики. Указывая на его недостатки, онъ безпрестанно оговаривается, объясняя ихъ историческими причинами. Вотъ примѣръ тому. Приведа отрывокъ изъ пьесы: «Русскія дѣвушки», онъ спрашиваетъ: «Можно ли не согласиться, что стихи этой пьесы, какъ стихи, — прекрасны? Стало быть, Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами? — Конечно, могъ, ибо онъ по натурѣ своей былъ великій поэтъ. — Отчего же онъ такъ рѣдко писалъ хорошими стихами? — Оттого что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого что въ его время о поэзіи всего менѣе думали, какъ о красотѣ, не подозревая, что поэзія и красота — одно и то же. Поэтому, Державинъ всего менѣе заботился о стихѣ... Что касается до неточности въ выраженіи, — отъ того времени и требовать невозможно точности, а страшное насилуваніе языку, т. е. произвольныя усѣченія, ударенія, часто искаженіе слова должно приписать тому, что Державинъ въ моло-

дости не имѣлъ возможности пріобрѣсти, по части языка, ни познаній, ни навыка» ¹⁾).

Вотъ отвѣтъ, которымъ Бѣлинскій предупредилъ неизвѣстный еще въ то время приговоръ Пушкина. Другое доказательство тому, что между ихъ взглядами на Державина далеко не было полного совпаденія, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1842 году Гречъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 279) замѣтилъ, что «Державинъ доидетъ къ потомству съ весьма легкою ношею, т.-е. съ малымъ числомъ избранныхъ стихотвореній, а остальное погибнетъ въ Леть». На это Бѣлинскій возразилъ: «не съ легкою ношею, а *весь* доидетъ Державинъ до позднѣйшаго потомства. У него нѣтъ избранныхъ стихотвореній, которыя могли бы пережить его неизбранныя стихотворенія, и всегда будутъ помнить, какъ помнятъ и теперь, не избранныя стихотворенія, а поэзію Державина. (Сочин. Бѣлинскаго VII, 200) ²⁾». Это прямо противорѣчитъ мысли Пушкина, что «у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь». Любопытно то, что говоритъ Бѣлинскій объ отношеніи между обоими поэтами: «если Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на современныхъ и явившихся послѣ него поэтовъ, то Державинъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина»... (Сочин. Бѣлинскаго VII, 150). А въ другомъ мѣстѣ: «Державинъ, Жуковскій и Батюшковъ были его учителями въ поэзи, какъ это видно изъ его лицейскихъ стихотвореній. Все, что было существеннаго и жизненнаго въ поэзи Державина, Жуковскаго и Батюшкова, все это присутствовало въ поэзи Пушкина, переработанное ея самобытнымъ элементомъ; Пушкинъ былъ прямымъ наслѣдникомъ поэтическаго богатства этихъ трехъ маэстро русской поэзи». (Тамъ же, VIII, 254).

Еще и въ послѣдній годъ жизни Пушкинъ не погнушался пойти по слѣдамъ Державина въ своемъ «Памятникѣ». Кстати, нѣсколько словъ по поводу первоначальной редакціи, въ которой явилось это стихотвореніе въ *Русскомъ Архивѣ* нынѣшняго года. Въ ней 4-я строфа получила такую форму:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ».

¹⁾ Сочиненія Бѣлинскаго VII, стр. 92. См. тамъ же еще стр. 67, 80, 144 и мн. др.

²⁾ Почти то же самое, только въ другой формѣ, Бѣлинскій повторяетъ въ VIII томѣ, стр. 118.

Затѣмъ, нѣтъ никакого основанія вставлять въ текстъ пьесы зачеркнутыя самимъ поэтомъ выраженія, во второмъ стихѣ этой строфы:

«Что звуки новыя для пѣсень я обрѣлъ»

и въ третьемъ:

«И милосердіе воспѣлъ» —

какъ сдѣлано въ новомъ изданіи сочиненій Пушкина. (т. III, стр. 432), гдѣ кромѣ того въ прежней редакціи поставлено «возбуждалъ» вмѣсто употребленнаго Пушкинымъ *пробуждалъ*.

Это стихотвореніе вызвало со стороны нѣкоторыхъ строгихъ судей обвиненіе Пушкина въ самохвальствѣ; князь Вяземскій справедливо замѣтилъ, что знаменитымъ поэтамъ можно иногда простить самовосхваленіе, если оно выкупается благородствомъ языка. Но къ этому, въ отношеніи къ Пушкину, надо прибавить, что его «Памятникъ» очевидно написанъ въ полемическомъ настроеніи, подъ вліяніемъ негодованія, которое не могли не внушать поэту нападки бездарныхъ завистниковъ, въ родѣ Булгарина. Это ясно особенно изъ послѣдней строфы, гдѣ онъ обращается къ музѣ:

«Велѣнью Божію ¹⁾, о Муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемля равнодушно,
И не оспаривай глупца».

Замѣтимъ, что эта строфа до сихъ поръ также печаталась не совсѣмъ согласно съ автографомъ, который теперь явился въ снимкѣ *Русскаго Архива*.

Я. Гротъ.

¹⁾ Сперва было: *Призванью своему* — прямой отвѣтъ на злобныя ~~высказанія~~ посредственности.